

ИСТОРИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ В РОССИИ

Автор этого конспекта в последние годы занимается исследованиями русской философско-исторической и политической мысли и не претендует на участие в *теоретико-методологическом* (первом) разделе планируемого коллективного труда «Российский проект цивилизационного развития». Основные авторские идеи на этот счет достаточно известны и содержатся в монографиях «Новое варварство как проблема российской цивилизации» (1995; на основе докторской диссертации 1994 г.); «Между Евразией и Азией» (1995); «Россия в треугольнике: этнократия – империя – нация» (1995); «Между Империей и Смутьей» (1996); «Как возможна Россия?» (1999), а также в многочисленных статьях, легко доступных читателю (См.: *Приложение*). Тем не менее, как человек, давно находящийся «в теме», я хотел бы поделиться некоторыми принципиальными соображениями.

Планируемый коллективный труд, как мне представляется, – это заявка на выстраивание и предъявление обществу российского аналога классических текстов, посвященных цивилизационному развитию в иных ареалах, – таких, например, как «История цивилизации во Франции» Франсуа Гизо или «История цивилизации в Англии» Генри Томаса Бокля.

Очевидно также, что в России пока вряд ли возможна книга, аналогичная, например, трудам по китайской цивилизации, т.к. Китай, несмотря на очевидную «прерывистость» цивилизационного развития (например, в периоды маньчжурского завоевания XVII в. или маоизма во второй половине XX в.), представляет собой общность с уже выстроенной «сквозной» линией развития, и в этом смысле понятия *цивилизация в Китае* и *китайская цивилизация* являются по сути тождественными.

Что касается «цивилизации в Европе», то труды Гизо по Франции или Бокля по Англии были хорошо известны еще русскому дореволюционному читателю, входя в обязательную образовательную программу. Авторы этих классических текстов совершенно сознательно говорили не о «французской» или «английской» цивилизациях, а именно о «*цивилизации в...*», полагая что Цивилизация – это некая общая сущность с набором универсальных характеристик, имеющая лишь конкретные локальные проявления. (Сторонником этого подхода, в том числе к не-западным обществам, был В.М. Межуев, придерживавшийся формулы: *культур много – цивилизация одна*. Последовательное проведение этого принципа предполагало бы исторический обзор *всего спектра вариантов преодоления варварства* на территории нынешней России).

Дореволюционному русскому читателю было хорошо известно и другое: ничего аналогичного по замыслу книгам Гизо или Бокля в России написано не было. Фундаментальные, обобщающие тексты о России не оперировали понятием «цивилизация», а говорили либо о *российском государстве*

(Карамзин, С. Соловьев и др.), либо о *русском народе* (Полевой), либо о *славянском культурно-историческом типе* (Данилевский). В этом контексте следует еще раз напомнить, что оперирование понятием «цивилизация» имеет как свои аналитические преимущества, так и ограничения.

Думаю, что, приступая к работе над исследованием «российского проекта цивилизационного развития», мы должны в полной мере учесть и то обстоятельство, что в отечественной культуре накопился солидный пласт иронично-пародийной литературы на тему сомнительных претензий на «обобщающие труды»: например, «История села Горюхина» Пушкина (прямо высмеивающая книгу Полевого), «История одного города [Глупова]» Салтыкова-Щедрина или «История села Брѣхова» Можая. Учитывая этот контекст, к формулировке любых новаций на тему «российской цивилизации» стоит подходить осторожно и в режиме хотя бы относительного и очень предварительного консенсуса.

Я полагаю, что в центре будущего коллективного труда неизбежно окажутся вопросы о соотношении в цивилизационном процессе двух оппозиций:

- 1) *органика – конструктивизм* (спонтанность/импровизация в терминах А.М. Салмина); и
- 2) *преемственность – прерывность*.

Эта двойная оппозиция, в отношении истории цивилизации в России, ведет к постановке ТРЕХ ГЛАВНЫХ ВОПРОСОВ, ответы на которые позволят оценить перспективы задуманной книги как *коллективного труда*. В предлагаемом ниже обзоре, помимо формулировки этих трех принципиальных вопросов, я предлагаю *собственные* (очень предварительные, конечно) ответы на каждый из них.

Вопрос первый: Можно ли вообще говорить (и примерно с какого времени) о «российской цивилизации»; и, если да, то какой она была по своему генезису?

Ответ: Обращаясь к генезису цивилизации в России, правильнее говорить о «*русской цивилизации*» (в отличие от структурно иного и более позднего образования – российской имперской государственности). «Русская цивилизация» была по своему генезису *православной*, развивавшейся в контексте более общего цивилизационного пространства – христианской Европы.

Вопрос второй: Произошло ли в результате большевистского переворота 1917 г. и последующих насильственных трансформаций крушение «православной цивилизации»; и если да, то что пришло ей на смену?

Ответ: В результате большевистского переворота (по своим главным параметрам завершившегося к 1930-м гг.) произошел слом «православной цивилизации». Ей на смену в России пришла *коммунистическая (советская) цивилизация*.

Вопрос третий: Наступил ли на рубеже 1980–1990-х гг. конец коммунистической (советской) цивилизации и если да, то что пришло ей на смену?

Ответ: После краха (демонтажа) коммунистической (советской) цивилизации в современной России постепенно формируется собственно *российская цивилизация*, основной вектор развития и итоговые характеристики которой носят *вероятностный характер*.

Перейду теперь к более развернутому изложению каждого из этих трех смысловых блоков.

Блок первый. История цивилизация в России – это сложный длительный процесс, проходивший в режиме парадоксальной *«преемственности через катастрофы»*. Думаю, в целом прав был Арнольд Тойнби, когда различал локальные цивилизации по совокупности (комбинации) двух основных факторов: *жизненный уклад + тип религиозности*. На этом основании Тойнби, среди отмеченных им 20-22 цивилизаций (как мертвых, так и живых), выделял две «православные цивилизации»: *основную* (Византия) и *вторичную* (Русь/Россия). В этом смысле процесс развития и воспроизводства православного мира можно определить, как культурно-географическое смещение его «ядра» из региона Восточного Средиземноморья на русский Север.

«Вторичность» русской православной цивилизации по отношению к византийской (Бердяев определяет их как *дочернюю и материнскую*) означала в том числе повышенную степень социально-идеологического конструктивизма. В последние десятилетия этот ракурс рассмотрения цивилизационного процесса получил признание, благодаря новаторским трудам Пьера Бурдьё о «символической политике», Бенедикта Андерсона о «воображаемых сообществах», Эриха Хобсбаума об «изобретении традиций» и т.д. Эти исследования наглядно показали, что все идентичности (в том числе цивилизационные), будучи в той или иной степени порождением спонтанных органических процессов, так или иначе *конструируются*.

Примером того, как православная цивилизация на русском Севере не только «стихийно проросла», но и была *сознательно выращена*, является известный нам по Ипатьевский летописи факт (пусть полу-мифологический и «сжатый» летописцем во времени и пространстве) *свободного выбора веры* для своего государства в 988 г. князем Владимиром Святославичем с последующей расправой «крестителя Руси» над старыми языческими элитами (см.: «восстания волхвов») и их пантеоном.

Принципиальной вехой в оформлении православного цивилизационного «каркаса» стал 1441 г., когда московский князь Василий II отверг Флорентийскую унию, привезенную из Италии митрополитом Исидором (греком по национальности), назначенного легатом римского папы Евгения IV «для провинций Литвы, Ливонии, Всея Руси и Польши». Исключительность

события усугубилась тем, что Исидор успел по прибытии в Москву отслужить в Успенском соборе молебен (в присутствии великого князя) за здоровье папы римского, как нового первосвященника, и лишь через три дня был арестован и заключен в Чудов монастырь. Несколько позднее, в 1448 г., Русь избрала своего автокефального православного митрополита Иону Московского.

В целостном виде православная цивилизация на Руси, в совокупности своих *органических* и *конструктивистских* свойств, сложилась в следующее московское княжение Ивана III Великого. По поводу этой констатации в отечественной литературе сложился определенный консенсус: от Карамзина – через Ключевского – и вплоть до последних работ А.С. Панарина.

Держава Ивана III, ставшая мощной защитной оболочкой для ценностного ядра православной цивилизации, обладала рядом базисных характеристик: она одновременно обороняла это «ядро» и с запада – от воинствующего латинства, и с востока – от столь же воинствующего ислама. Ключевой вехой здесь является 1480-й год, т.наз. «стояние на Угре», когда Руси удалось отстоять православную Московию не только от прямой угрозы со стороны мусульманского хана Большой Орды Ахмата, но и от перспективы нападения Казимира IV, католического великого князя литовского и короля польского. (Надо также принять во внимание, что спустя почти столетие, в 1571–1572 г., при царе Иване IV Грозном, было вполне реальным крушение православной цивилизации, когда Московская Русь едва не пала под натиском оправившегося от потерь Казани и Астрахани консолидированного исламского мира – объединенного фронта крымского и ногайского ханов и набравшей силу Османской Турции).

Признавая исторический факт, что именно *православное русло* в развитии цивилизации на территории Руси/России стало *магистральным*, нельзя игнорировать и то, что, с одной стороны, теоретическая возможность стать таковым на территории нынешней России была и у некоторых других конкурирующих локальных «потоков»: у иудаистского Хазарского каганата, у мусульманской Волжской Булгарии, у Золотой (а потом Большой) Орды на пике их могущества и т.д. С другой стороны, существовала вероятность (также не реализованная в истории), что центром кристаллизации православного мира станет не Москва, а, например, Тверское княжество или поначалу православное Великое княжество Литовское.

Однако, как показала история, альтернативные цивилизационные «потоки» так или иначе иссохли и были поглощены и освоены основным, *православно-московским* руслом отечественной истории. В процессе этого «освоения» (очень травматичного для многих сообществ с их самобытными укладами), имело место, разумеется, сожителство и переплетение разнородных культур. Однако разговор о некоем «синтезе цивилизаций» *абсолютно некорректен*, ибо невозможен синтез православия и ислама, православия и иудаизма, православия и буддизма и т.д. Вплоть до краха Петербургской России православная цивилизационная доминанта на территории страны была очевидна фактически и закреплена юридически.

«Государственной оболочкой», в которой развивался православный мир, было Московское царство, а затем Российская империя. Имперский характер тогдашней российской государственности подразумевал, что на периферии «православного ядра» существуют ареалы, тяготеющие к иным, пограничным цивилизациям: это касается католической Польши, протестантских Прибалтики и Финляндии, мусульманских Центральной Азии и части Кавказа и т.д. Важно, однако, подчеркнуть, что удержание этой «периферии» в орбите Российской империи осуществлялось *государственными* (силовыми, административными, культурными) механизмами, но никак не «цивилизационным синтезом», невозможным, повторяю, по определению (что доказывает, к примеру, печальный опыт латино-греческого униатства).

Заслуживает также внимания проблема культурно-хронологической *периодизации* внутри эпохи существования «православной цивилизации». В этой связи я, в том числе на основе собственных исследований, склонен утверждать, что, при всех отличиях Петербургской России от до-петровской (Московской) Руси, при переходе от одной эпохи к другой сработали мощные механизмы *цивилизационной преемственности*. Самое главное, была сохранена (хотя в обновленном и усложненном виде) базовая комбинация факторов, определяющая особый тип цивилизации: основанное на праве собственности, по преимуществу, аграрное сословное общество + доминирование православия в религиозной сфере (даже с учетом волевого перевода при Петре I православия, как института, из Патриаршего режима функционирования – в Синодальный).

Блок второй. В первой трети XX в. пролонгация истории цивилизации в России случилась через очередную «цивилизационную катастрофу». Большевистским переворотом осенью 1917 г. начался последовательный слом православной цивилизации, имевшей к тому же на тот момент имманентные симптомы увядания. Системные удары (запрограммированные, последовательные и комплексные) были нанесены по самим основам прежней цивилизационной доминанты: в несколько приемов была ликвидирована частная собственность; упразднены сословия; православная религиозность и церковь были подвергнуты гонениям. Удар в России был нанесен и по другим конфессиям, но поскольку центры/ядра соответствующих цивилизаций находились вне досягаемости большевистских богоборцев, то иные цивилизационные общности, в отличие от русско-православной, в целом устояли.

Радикальные попытки цивилизационной импровизации и социально-идеологического конструктивизма всегда сопровождают революционные эпохи. Наглядный пример – период Великой революции во Франции. 24 ноября 1793 г. Коммуна Парижа, находившаяся тогда во власти «левых якобинцев» (Шометт, Эбер, Моморо и др.), издала Декрет о запрете католического богослужения. Вместо него был введен новый

революционный культ – «Культ Разума» (Culte de la Raison). Речь шла ни много ни мало, как о замене «религии» – «философией» (!), о фактическом выходе революционной Франции из пространства христианской Европы и начале новой эры с собственным летоисчислением (5 октября 1793 г. григорианский календарь был заменён «республиканским»).

Первые опыты введения Культа Разума имели место во французской провинции. Именно там, ранней осенью 1793 г., якобинский комиссар, бывший воспитанник братьев-ораторианцев, а ныне атеист и профессор философии Жозеф Фуше (тот самый, что станет потом начальником тайной полиции при Баррасе, а затем и при Наполеоне Бонапарте) организовывал первые празднества в честь Культа Разума, которые сопровождались народными карнавалами, церемониями почитания «мучеников Революции», а заодно разграблением церквей, уничтожением христианских святынь и т. п.

Своего апогея новый культ достиг в Париже во время проведения «Фестиваля свободы» (Fête de la Liberté) 10 ноября (20 Брюмера) 1793 г. – в Соборе Парижской Богородицы, украшенном по случаю революционной символикой и огромным транспарантом с надписью: «*Philosophie*». В ходе торжеств, срежиссированных прокурором-синдиком Парижской Коммуны Пьером-Гаспаром Шометтом (новое революционное имя – Анаксагор), юная артистка Оперы *m-lle Obri* короновалась, как Богиня Разума (её образ станет в 1924 г. основой для одноименной парижской новеллы Ивана Бунина). Революционный «фестиваль» в столичном Нотр-Дам был затем многократно тиражирован по всей стране – с показательными покаяниями католических священников, публичными казнями упорствующих и т.п.

Известно, что массовый террор, сопровождавший насаждение «Культа Разума» и с воодушевлением поддержанный городскими низами (санкюлотами), вызвал неприятие более зажиточной части общества. В целях «укрепления революции», новый диктатор, Максимилиан Робеспьер, при опоре на взявшую верх партию монтаньяров, показательно гильотинировал крайних левых (март 1794 г.) и официально заменил «Культ разума» более умеренным, квази-религиозным «Культом Верховного существа» (Culte de l'Être suprême).

7 мая 1794 г. Национальный конвент принял декларацию, согласно которой французский народ «признавал существование Верховного Существа и бессмертие души». Новое грандиозное празднование на парижском Марсовом поле (8 июня 1794 г.) стало очередным примером для провинции. После ареста и казни Робеспьера (28 июля 1794 г.) «Культ верховного существа» быстро сошел на нет, и католическая доминанта французского варианта христианской цивилизации вновь возобладала.

Итак, «двухактный» эксперимент по смене цивилизационной доминанты в революционной Франции продлился всего несколько месяцев: условно с конца ноября 1793 г. по конец июля 1794 г. – и был расценен как некий «вывих», скоротечная девиация *внутри* процесса развития христианской цивилизации, в целом преемственного. (Аналогом является

древнейшая антисистемная попытка введения единобожия египетским фараоном Эхнатоном, отвергнутая и забытая уже ближайшими потомками.)

Иначе обстояло дело в России начала XX в.: в результате острого цивилизационного кризиса и сопутствующей ему гражданской войны доминирующей системой на этой территории надолго стала коммунистическая (советская) цивилизация. Импровизационно-конструктивистский «эксперимент», который многие современники тоже предполагали поначалу скоротечным «инцидентом» (на манер французских утопий Шометта или Робеспьера) оказался поразительно живуч и растянулся на семь десятилетий, не потеряв полностью своей инерционной динамики и по сей день.

Уже в середине 1917 г., еще при Временном правительстве, многие мыслители адекватно оценили претензии и потенциал большевизма (Николай Бердяев неоднократно называл его «новым исламом»).

Решающая схватка двух миров – нарождающегося большевизма и традиционного православия на рубеже 1917–1918 гг. фиксируется в исторических источниках едва ли не «по дням». Назову лишь некоторые вехи этого столкновения цивилизаций.

Когда в середине января 1918 г., в Петрограде, по распоряжению наркома Коллонтай, отряды матросов несколько раз пытались взять под контроль Александрово-Невскую лавру (поначалу безуспешно), наместник Лавры направил доклад заседавшему в Москве Поместному Собору православной церкви. Участник Собора, философ князь Евг. Трубецкой в своем выступлении на заседании 20 января констатировал наличие глубинного конфликта: «То, что сообщили нам о Лавре, – не частное враждебное церкви выступление, а проведение плана уничтожения самой возможности существования Церкви... Это только пробный шаг. Тут открытая война с Церковью, начатая не нами».

Поместный Собор тогда ограничился патриаршей «анафемой безбожникам» и призывом к верующим совершить массовый крестный ход в воскресенье 28 января 1918 г. В этом действе, собравшем до 300 тыс. человек, принял, как известно, активное участие Николай Бердяев: «Эта церковная демонстрация приняла грандиозный характер. Люди шли на неё, не уверенные, что останутся в живых» («Самопознание», гл. IX).

Апогеем «конфликта цивилизаций» можно считать события мая 1918 г., когда имело место *пересечение/наложение* (и тем самым – прямое столкновение) двух массовых торжеств: празднования большевиками 1 мая (пришедшегося в тот год на Великую среду предпасхальной недели) и «Никола Вешнего» (христианского праздника перенесения мощей св. Николая Мирликийского из Мир Ликийских в Бари) 9 мая ст. ст. 1918 г.

Центром конфликта стала Красная площадь, конкретно – Никольские ворота Кремля, над которыми с конца XV в. помещена фреска с изображением св. Николая Чудотворца (образ Никола Можайского с мечом в руке). Согласно многим свидетельствам, этот сакральный образ был задрапирован большевиками первомайским транспарантом, но вдруг, «чудесным образом»,

обнажился, а рваные лоскуты красной материи «опали вниз». Сообщение о «знамени Божьем» быстро распространилось по Москве и привело в Николин день в центр Москвы до полумиллиона человек. Именно это событие, обозначившее предельное противостояние «кто кого?», и побудило Совет Народных комиссаров и персонально Ленина к решению о «беспощадном терроре» в отношении церкви.

В этой связи представляются некорректными утверждения некоторых авторов (как отечественных, так и зарубежных), будто русский коммунизм был лишь «инобытием», «реинкарнацией» русского православия. Думается, это ошибка или иллюзия, аналогичная рассуждениям, будто террористические культы Разума или Верховного существа были лишь инобытием и реинкарнацией французского католицизма.

Советский строй, безусловно, нес в себе многие черты спонтанной цивилизационной преемственности – воспроизводящиеся практики, единство языка и т.д. Но – в принципиальном плане – это была *иная цивилизация*. Другими словами, фундаментальный факт смены типа цивилизации невозможно подменить набором примеров относительной культурной преемственности.

С другой стороны, не подлежат сомнению факты сохранения и после большевистского переворота некоторых фрагментов (осколков) православного мира – как в старо-европейских ареалах (Греция, Сербия, Болгария, Румыния), так и в новых регионах, насыщаемых православной жизнью в результате пост-большевистского исхода (наглядный пример: «галлиполийский лагерь» в Турции отступившей из Крыма врангелевской армии).

Остается сформулировать главные характеристики коммунистической (советской) цивилизации, ставшей на несколько десятилетий доминирующей формой отечественной истории: отсутствие частной собственности; государственная пирамида службы и подданничества (стержневым элементом которой стала монополярная большевистская партия); наличие скрепляющей моно-идеологии (квази-религии) – марксистско-ленинско-сталинского учения.

Блок третий. В 1980–1990-х гг. на территории бывшего СССР, а также в большинстве стран советского лагеря, произошел демонтаж (а местами и насильственный слом) основных «цивилизационных скреп» советского типа. Было возрождено право частной собственности; дискредитирована, а потом ликвидирована идеологическая монополия коммунистического учения; демонтированы партийно-административные политические институты.

Большую роль в эрозии и аннигиляции идеологии атеистического государства сыграло празднование в 1988 г. «1000-летие крещения Руси». Типичный сюжет, порожденный межеумочным феноменом «перестройки», носил все черты спонтанной политико-идеологической *импровизации* и породил ряд явлений «кентаврического» свойства: партийное постановление об «усилении кадровой работы среди православных священников»;

торжественное награждение высших иерархов Церкви орденами Трудового Красного знамени и т.п.

Наступивший на рубеже тысячелетий кризис идентичности и порожденный им идентификационный вакуум стал восполняться на пространстве распавшегося СССР суррогатными формами: инерционными и мутировавшими проявлениями старых идентичностей (этнократических, неоимперских, псевдо-космополитических и т.д.), а в наиболее архаичных ареалах пост-советского пространства – новыми культурами местных националистических вождей, как правило, бывших партократов.

В отличие от прежних «цивилизационных выбросов», приходившим на смену предшественникам с радикальной презумпцией «*отречения от старого мира*», начало нового тысячелетия породило в новейшей России запрос на формирование ненасильственной, полифоничной и интегральной цивилизации.

P.S. Автор данного текста уже на протяжении ряда лет предпринимает исследовательские усилия по философско-исторической реконструкции «северянских» интенций в русской культуре XVIII–XX вв., определяя перспективу новой российской цивилизационной самоидентификации следующим образом: «*Россия как Север*» (см. Список литературы).

Авторские монографии (в порядке хронологии)

- Новое варварство как проблема российской цивилизации. М., 1995.
- Между империей и смутой. М., 1996.
- Россия в треугольнике: Этнократия – Империя – Нация. М., 1995.
- Между Евразией и Азией. М., 1995.
- Как возможна Россия? М., 1999.
- Свобода и порядок. Из истории русской политической мысли XIX–XX вв. М., 2009.

Некоторые авторские статьи (в порядке хронологии)

- Проблема «саморазрушения цивилизации» в работах мыслителей русского Серебряного века // Россия в архитектуре глобального мира: цивилизационное измерение (ред. А.В. Смирнов). М., 2015. С. 113–166.
- Россия как «Север». Метаморфозы национальной идентичности в XVIII–XIX вв. // Философские науки, 2016, № 11. С. 121–134.
- Поэма «Медный всадник» А.С. Пушкина: политико-философские проекции // Философский журнал, 2016, т. 9, № 2. С. 54–65.
- Концепция «русского северянства» в героических одах Г.Р. Державина (к вопросу о российской идентичности) // Политическая концептология, 2017, № 3. С. 187–194.
- «Русское северянство» князей Вяземских (к вопросу о национальной идентичности) // Вопросы философии, 2018, № 3. С. 187–194.
- Поэт-философ Иван Ореус-Конева – культовая фигура «русского северянства» Серебряного века // Человек, 2020, т. 31, № 3. С. 155–172.

- «Русское северянство» Николая Тургенева (молодые годы) // Полилог, 2020, т. 4, № 1. С. 1.

- Россия как «Север»: проблемы цивилизационной идентичности в философии Бориса Пастернака (к 130-летию со дня рождения) // Философский журнал, 2020, № 2. С. 5–18.

(на английском языке)

- Gavriil Derzhavin on Russian Civilization: Russia as «The North» // Russian Studies in Philosophy, 2018, t. 56, № 3. P. 88–98.

- Boris Pasternak, “Winter Man” (The Cultural Self-Identification of Russian Geniuses) // Russian Studies in Philosophy, 2020, t. 58, № 4. P. 100–110.

- Motives of the “North” in the philosophical and poetic works of Osip Mandelstam // Russian Studies in Philosophy, 2021 (in edition).